

14. Фуллер Л.Л. Мораль права : пер. с англ. Т. Даниловой. М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2016. 554 с.
15. Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / отв. ред. М.В. Антонов. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 287 с.
16. Левада Ю.А. Социальная природа религии. М. : Наука, 1965. 261 с.
17. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

УДК 340.1

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Толкование норм права, представляя собой одну из стадий правоприменения, необходимо для установления (отыскания) точного смысла правовой нормы субъектом права в целях ее правильной реализации. Однако отыскание такого смысла в правоприменительной практике часто бывает затруднительным, поскольку формирование смысла нормы права осуществляется еще при принятии этой нормы (классический концепт так называемой воли законодателя). Определенные сложности толкования связаны с требованиями юридической техники, в результате смысл правовой нормы не совпадает с ее языковым (текстуальным) выражением.

В этой связи возникает ряд вопросов. Каким образом правоприменитель должен понять мысль законодателя и отыскать смысл, зашифрованный с использованием сложных языковых средств? Возможно ли вообще отыскание такого смысла в ситуации правовой неопределенности¹? Чем следует руководствоваться в сложной правоприменительной ситуации при отсутствии официального толкования?

В процессе толкования отыскание смысла нормы права связано с анализом текстуального выражения нормы права, наличием или отсутствием системных связей между правовыми нормами, а также с особенностями их происхождения и функционирования. С учетом этого в теории права были разработаны различные способы толкования (грам-

¹ Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З дефинирует правовую неопределенность как отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения.

матический, систематический, историко-политический и т. п.). Кроме того, принято считать, что отыскание правового смысла возможно через отыскание и анализ структурных элементов нормы права (гипотеза, диспозиция, санкция).

Таким образом, классический юридический дискурс, представленный различными видами толкования, сводит толкование нормы права к анализу логического ее строения и не дает ответов на поставленные вопросы. Это связано с тем, что нормативный порядок, как содержание классической юридической науки, не предполагает антропологическое наполнение юридической деятельности. В результате игнорируются личностные юридически значимые ценности в праве, а многие современные проблемы современного правоведения, в том числе проблема толкования нормы права, уже не могут быть решены в рамках классических подходов. Все более очевидно, что «идеальная модель» правового регулирования не может быть реализована только посредством правовых явлений и категорий (реализация норм права, юридическая ответственность, принципы права, юридические факты, механизм принуждения и др.).

Поиск ответов на поставленные вопросы видится в следующем.

Для решения проблемы отыскания смысла правовой нормы в процессе ее толкования необходимо использовать достижения юридической лингвистики. Так, с точки зрения языкового анализа нормы права несомненный интерес представляет кандидатская диссертация Ю.А. Гавриловой «Толкование права по объему» (2008). По утверждению Ю.А. Гавриловой, для корректного толкования нормы права необходимо введение в понятийный аппарат юриспруденции понятия смыслового поля правовой нормы и концепта. В положениях, выносимых на защиту, автор приводит следующие дефиниции: «Смысловое поле – это мера распространения смысла и пределов действия правовой нормы. Оно характеризуется сложной структурой, включающей в себя смысловое ядро и смысловую периферию. Каждый из данных элементов, в свою очередь, объединяет определенные слои смыслового поля и оттенки смысла. Смысловое ядро – это первооснова, содержательная доминанта правовой нормы. Ядро представляет собой определенный концепт (ценность), получивший идейное обоснование и нормативно-понятийное закрепление в логической структуре правовой нормы. Оно включает в себя инвариантный слой (концепт и идею) и нормативно-понятийный слой (гипотеза, диспозиция и санкция). Смысловая периферия – это „подвижная“ часть смысла правовой нормы, в которой раскрываются дополнительные оттенки этого смысла в виде предметного, праксеологического (слоя актуализированной юридической практики), оценочного и символично-ассоциативного слоев» [1, с. 11]. Следовательно, установление смыслового поля

правовой нормы, представленное смысловым ядром и смысловой периферией, наряду с коррелятом классических структурных элементов «гипотеза – диспозиция – санкция», позволяет правоприменительно отыскать смысл правовой нормы.

С точки зрения антропологии¹ при толковании правовой нормы следует учитывать лингвистические понятия «знак», «текст», «смысл» и т. п., однако при этом смысл нормы права не сводится только к знаковому (текстуальному) выражению. Так, продолжая мысль Ю.А. Гавриловой, белорусский исследователь В.И. Павлов полагает, что если толкование нормы требует выявления таких сложных элементов, как смысловое поле, ядро, периферия, значит теоретическая работа по созданию нормы права должна определять эти правовые образования, причем носящие не субстанциальный, а антрополого-правовой, идейно-смысловой характер и неизменно связанные с моделью человека в праве и его деятельностью. С учетом этого, по мнению ученого, структура нормы права должна содержать помимо элементного логического строения нормы права еще и иной тип представления, обусловленный ее антропологическим смыслом. Таким смыслом выступает понимание нормы права в едином, цельном антрополого-текстуальном значении; выделение знаково-текстуального² и смыслового³ значения (правового смысла) нормы права. Собственно, это и есть конструкция нормы права в энергийно-правовом дискурсе, дискурсе антрополого-правовом.

Следовательно, в юридическом смыслообразовании участвует правовая смысл, не только проектно представленный в тексте нормативного правового акта, но и рождающийся на уровне конкретного правового существования лица, эту норму реализующего [2, с. 159–160].

Рассмотрение структуры нормы права, необходимое для ее толкования, в таком онтологическом контексте характерно для антропологического подхода. В этом состоит отличие подходов, применимых в ос-

¹ В антропологическом подходе к праву последнее выявляется в ситуации встречи человека в праве с нормой права и фактом правовой жизни – именно в этой точке осуществляется измерение нормативности права в контексте его человекомерности. Для антропологии права именно человекомерность, факт правового существования, является ключевым критерием измерения правового, поскольку право ценно не столько своей абстрактной сущностью, сколько качеством обеспечения правового бытия как конкретного правового существования человека в правовой действительности (см.: Павлов В.И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 325–377).

² Знаково-текстуальное значение представляет собой документарное знаковое выражение правила поведения в нормативном правовом акте либо ином источнике права.

³ Под правовым смыслом предлагается понимать актуализацию знакового выражения нормы права субъектом понимания, которая осуществляется на уровне правового существования исходя из личностных свойств субъекта.

новном для классических типов правопонимания в рамках логической структуры нормы права. Такие подходы к структуре нормы права были сформированы в различных правовых традициях и применимы для национального и международного законодательства.

В этой связи антропологическое правопонимание как направление неклассической юридической науки претендует на переосмысление человека в праве и структуры нормы права как элементов правовой реальности¹. При таком подходе структуру нормы права следует рассматривать не только как классический коррелят ее традиционных структурных элементов (гипотеза, диспозиция, санкция). Иными словами, необходимо представлять ее не только структурно-логически, но и структурно-онтологически, т. е. как юридический знак, призванный как минимум указывать на два элемента: смысловое значение и объект правового регулирования (предметное значение). В связи с этим толкование нормы права необходимо осуществлять посредством структурно-логического и структурно-онтологического анализа структурных элементов нормы права.

При этом следует учитывать, что если объект правового регулирования, или предметное значение нормы права как юридического знака (знаковой части нормы права), всегда более или менее определен в виде собственного нормативного регулирования как указания на способ динамики правовых отношений, направление разворачивания регламентируемой юридически значимой жизненной ситуации, то правовой смысл нормы как юридического знака требует интерпретационной работы, поскольку смысловое значение знака – это то, что понимает под ним человек, использующий данный знак. При этом правовой смысл в таком значении выступает как мысленное содержание юридического (нормативно-правового) тела (знака), или определенной письменно зафиксированной формы (статья, глава, раздел нормативного правового акта) правила поведения, которое выражается и усваивается только в процессе актуального понимания (герменевтики) правового знака через придание ему субъектом определенного значения [3, с. 559].

В дальнейшем такой правовой смысл в данном контексте в сочетании с опытом реализации нормативных положений образует правоприменительную практику, в рамках которой появляются самостоятельные правовые смыслы как результат приложения норм права к жизненным ситуациям. Причем важно отметить, что эти правовые смыслы создаются конкретными практиками-правоприменителями – судьями, прокурорами, следователями [3, с. 558].

¹ При этом акцент делается на онтологической структуре нормы права, которая отражает способ ее существования и реализации в правовой действительности.

Предпосылкой возникновения антропологического подхода в теории права можно считать использование в современном законодательстве человекомерных концептов (вина, справедливость, особая жестокость, жесткое обращение с детьми, злостное уклонение, добросовестность, неуважение к суду, моральный вред и т. п.). Содержание таких оценочных понятий устанавливается в правоприменительном процессе и зависит от конкретных правовых обстоятельств. Оценочные понятия, обладая открытой логической структурой, позволяют правоприменителю использовать усмотрение (в том числе через постижение смыслового значения нормы права) и формировать тем самым практику применения. Похожие идеи высказывались еще в начале XX в. дореволюционным теоретиком права В.И. Лебедевым, который указывал на необходимость «дать известный простор личному усмотрению органов, осуществляющих власть, в видах большей пластичности этой власти, в видах большего соответствия с явлениями конкретной действительности» [4, с. 23].

В некоторых случаях правовые смыслы в антропологическом аспекте способны повлечь изменение смыслового значения правовой нормы, фактически создавая новую норму права. Так, сегодня в практике деятельности высших судебных инстанций Беларуси имеются такие специфические акты, в которых формулируются правила поведения. Примером может служить постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», которое внесло изменение в смысловое значение уголовно-процессуальной нормы. Так, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 429 УПК Республики Беларусь в случае достижения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым 18-летнего возраста участие законных представителей подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или в судебном разбирательстве прекращается, о чем в соответствии с ч. 5 ст. 56 УПК Республики Беларусь орган, ведущий уголовный процесс, выносит мотивированное постановление (определение). В свою очередь, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» содержит положения (уточняющие данную норму), согласно которым прекращение судом участия законного представителя обвиняемого, достигшего 18 лет, допускается при назначении судебного разбирательства по уголовному делу, в судебном разбирательстве – до начала судебного следствия, о чем выносится мотивированное постановление (определение). Если несовершеннолетний обвиняемый достиг 18 лет во время судебного следствия или после постановления приговора, законный представитель вправе обжаловать приговор и принимать участие в апелляционном рассмотрении дела. Нельзя не заметить, что в указанном постановле-

нии сформулировано иное, существенно отличное от установленного законодателем положение относительно момента прекращения участия законных представителей подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или в судебном разбирательстве в случае достижения последним совершеннолетнего возраста. Таким образом, данное постановление Пленума Верховного Суда, не изменяя текстуальную форму нормы права, содержащейся в УПК Республики Беларусь, внесло изменение в ее смысловое значение, т. е. создало новое правило поведения и одновременно фактически новую норму права, хотя это норма в весьма условном и специфическом значении [3, с. 558].

Антропологический оттенок можно проследить и в классической юридической науке в контексте личностных качеств правоприменителя. Ученые осторожно обращают внимание на роль человека в праве как элемента правовой реальности, в данном случае личности правоприменителя (толкователя). Так, по утверждению К.Н. Пономарева, правоприменительная деятельность не сводится к изданию актов применения права, «она включает большое количество неформальных связей и отношений: различные звенья правоприменительной системы, должностные лица оценивают состояние правопорядка, вырабатывают свои позиции по вопросам применения закона, высказывают мнения и влияют на мнения других лиц, принимают решения по конкретным делам, изменяют текущую практику и т. д.» [5, с. 123].

Таким образом, в современном законодательстве и юридической науке встречаются влияния человека на право, не характерные для классической нормативности. Тем не менее приверженность к нормативному правопониманию не позволяет правововедам выйти за рамки исследования и пересмотреть догматы классического правоведения. Очевидно, что признание антропологического подхода к толкованию нормы права неизбежно влечет пересмотр многих положений классической юридической науки (состав правонарушения, толкование норм права, понятие и признаки права и др.).

Можно утверждать, что в наибольшей степени положения неклассической юридической науки находят подтверждение в англосаксонской правовой семье, которая наделяет судью правотворческими функциями. В этой связи роль человека в правовой реальности возрастает. Возможно, этим объясняется повышенный интерес в рамках социологии права к изучению личности судьи, зависимости судебного решения от настроения судьи, влияния социального происхождения судей на выносимые решения, поведения работников полицейских органов, социального происхождения юристов в США и т. п.

По этой причине правотворчество и реализация норм права, впрочем, как и само понимание права как нормативной системы, нуждается в переосмыслении. Полагаем, что для решения указанных проблем мо-

гут быть использованы достижения неклассической юридической науки, которые обладают рядом достоинств:

1) «теория права рассматривается уже не как возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего как инструмент выбора решения в проблемной юридической ситуации» [6, с. 11];

2) в рамках антропологического подхода не отрицается смысл законодателя, выраженный в знаковой форме в тексте нормативного правового акта. Помимо этого учитывается смысл знака как результат интерпретационной работы правоприменителя, т. е. схема понимания нормы права конкретным лицом в процессе применения права;

3) в настоящее время положения антропологического подхода, в том числе к толкованию норм права, подтверждаются правоприменительной практикой и находят отражение в правоприменительных обыкновениях, наглядно представляющих роль человека в праве в антропологическом контексте;

4) учение о структурных элементах нормы права в рамках антропологического подхода (в сочетании с классическими представлениями) позволяет установить точный смысл правовой нормы в целях ее правильной реализации путем:

отыскания логических элементов нормы права – условия применения нормы (гипотеза), ее содержания в виде правила поведения (диспозиция) и последствия ее нарушения (санкция), не совпадающих со структурой статьи (статей) нормативного правового акта, с помощью приемов юридической техники, т. е. путем формально-логического или *структурно-логического анализа в рамках классической нормативности*;

отыскания смысла, вложенного законодателем, путем текстуального анализа выражения нормы права (классический концепт так называемой воли законодателя), а в некоторых случаях, в том числе в ситуации правовой неопределенности, – с учетом результатов интерпретационной деятельности (теория интерпретации), полученных на основе правового мышления и личностных качеств фигуры правоприменителя (толкователя), т. е. путем *структурно-онтологического анализа в рамках антропологического подхода*.

1. Гаврилова Ю.А. Толкование права по объему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2008. 30 с.

2. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / учреждение образования «Акад. М-ва внут. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2017. 262 с.

3. Павлов В.И., Дубрава Н.М. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права // Юридическая техника. 2014. № 8 : в 2 ч. Ч. 2 : Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. С. 553–560.

4. Лебедев В.И. Общая теория права. Лекции. СПб. : Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. 79 с.

5. Пономарев К.Н. Об эффективности правоприменительной деятельности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2. С. 123–126.

6. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. М., 2013. 44 с.

УДК 340.1

С.Е. Данилюк, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Беларусь, судья Конституционного Суда Республики Беларусь

СОЦИОЭМПИРИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ

В настоящее время общепризнанным является факт кризиса правопонимания.

На наш взгляд, споры среди ученых по поводу права, его сущности, источников, важнейших характеристик и прочих вопросов часто происходят из-за того, что автор публикации либо оратор публичного выступления предварительно не поясняет (четко и определенно), что он понимает под этим феноменом (хотя бы в самых общих чертах) и какое место в целостной картине занимает исследуемый им аспект (элемент, компонент и т. п.) права. В результате каждый заинтересованный читатель (участник полемики), имея свое представление о предмете обсуждения, начинает полемизировать, высказывая свою точку зрения, не совпадающую с позицией оппонента (других участников дискуссии).

В связи с этим уместно вспомнить утверждения мыслителей: «Точное логическое определение понятий – условие истинного знания» (Сократ); «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений» (Р. Декарт).

С целью исправления данной ситуации попытаемся уже в начале наших рассуждений обозначить контуры авторского видения права, которое, как любое сложное социальное явление, должно, по нашему мнению, рассматриваться в самом широком контексте, охватывающем все его проявления (в том числе стороны, стадии, признаки и т. п.). При этом мы придерживаемся позиции, согласно которой правовой дискурс не должен ограничиваться нормотворческой (законодательной) деятельностью, действующей правовой системой (позитивным законодательством) и правоприменительной (правореализующей) практикой. В орбиту теоретических размышлений обязательно должны входить дозаконодательная стадия правообразования, фактический социальный порядок (представляющий собой не только правопорядок, но и систему реально существующих в обществе неформальных отношений, обусловленных правовым воздействием), а также некоторые другие значимые аспекты и компоненты, влияющие на правовую действительность.